

Цетради ПО консерватизму

ISSN 2409-2517

[№ 2 2021]

*Борьба за культуру:
вчера, сегодня, завтра*

фонд
ИСЭПИ

Институт
социально-экономических
и политических
исследований

Альманах

{ Июнь 2021 г. }

Борьба за культуру: вчера, сегодня, завтра

{ Июнь 2021 г. }

Цетради

по консерватизму

[№ 2 2021 г.]

Москва
Некоммерческий фонд – Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ)
2021

*В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен
в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям
23.00.00 – Политология, 07.00.00 – Исторические науки и археология,
09.00.00 – Философские науки.*

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Редакционный совет

Д.В. Бадковский, А.Д. Воскресенский, А.А. Иванов,
М.А. Маслин, Б.В. Межуев, А.Ю. Минаков, Р.В. Михайлов (гл. редактор),
Е.Н. Мошелков, Л.В. Поляков (председатель), С.В. Перевезенцев, М.В. Ремизов,
А.С. Ципко, А.Л. Чечевишников, А.А. Ширинянец, А.В. Щипков.

Тетради по консерватизму: Альманах. – № 2. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2021. – 512 с.

Очередной номер альманаха «Тетради по консерватизму» продолжает тематику предыдущего, развивая ее в наиболее актуальном направлении. Если в прошлом номере мы говорили о русской культуре, о ее важнейшей роли в качестве сферы реализации духовных ценностей нашего народа, столь многосложного и многообразного, уходящего корнями в полиэтническую общность, то предлагаемый читателю выпуск акцентирует внимание на кризисе современной культуры. Глобализация, которая характеризуется, с одной стороны, стремительной унификацией, а с другой – тотальным упрощением, поневоле заставляющим с большой опаской вспомнить финальную составляющую закона «триединого процесса развития», сформулированного русским консервативным мыслителем К.Н. Леонтьевым, наносит удар прежде всего и именно по духовным ценностям человека, то есть основам основ жизни общества. Как следствие, борьба за сохранение культуры и в планетарном, и в национальных ее измерениях, является ключевым вопросом современной консервативной повестки. В центре особого внимания данного номера – русский ответ на указанные вызовы, как в его ретроспекции, так и в перспективе.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77 – 67506.

© АНО «Средство массовой информации
Альманах «Тетради по консерватизму»», 2021
© Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ), 2021

Л.В. Поляков
Слово к читателю
9

Раздел первый

Корни культуры: иное и своё

С.В. Лурье
Что такое культурная картина мира и как формируется культурная традиция
13

Н.П. Мартыненко
Этика и эстетика в контексте представлений раннего конфуцианства
о государственном управлении
63

Н.А. Щипков
Субъектна ли культура? К вопросу об особенностях русской
культурологической традиции
69

М.В. Ковалева
Глубинные образы народного сознания как основа понимания
произведений искусства иной культуры
77

Г.В. Талина
Эстетика официальных церемоний Московской Руси
89

Игумен Виталий (Уткин)
Эсхатология, власть, социальность и архитектура в русской
духовной традиции
97

Раздел второй

Культура как альтернатива

С.В. Лурье
Опыт переформатирования дисциплины: культурология на основании православной
антропологии
105

Н.А. Щипков

*Несколько трактовок понятия культуры в истории западноевропейской мысли:
Рене Декарт, Джамбаттиста Вико, Огюст Конт, Карл Маркс*
141

С.В. Лурье

*К вопросу о теории трех систем: культура и психология
Опыт американской антропологии применительно к православной культурологии*
148

С.В. Лурье

*Об особом классе культурных феноменов
Православная культурология путем советских психологов-марксистов*
173

С.В. Лурье

*«Картезианский театр» в американской аналитической
философии и православной антропологии и культурологии*
208

А.М. Вафин

*Пропаганда мультикультурализма в американской индустрии развлечений:
либералы против консерваторов*
246

Раздел третий

Борьба за культуру – пути и перепутья

М.В. Медоваров

*Литературный отдел журнала «Русское обозрение» при редакции
князя Дмитрия Цертелёва (1890–1892)*
253

А.И. Вакулинская

*Общественный идеал Ф.М. Достоевского и «возрожденная школа
естественного права»*
270

А.Ю. Полунов

*Иерусалим, Бари, Петроград: места паломничества и русская храмовая архитектура
второй половины XIX – начала XX века*
280

С.М. Санькова, Н.И. Крижановский
Консервативная эстетика в контексте мировоззрения
М.О. Меньшикова
291

И.В. Желтикова
Консервативные элементы в видении будущего России
в художественных образах
311

Е.В. Ковалева
Метафизические основания концепции сакрального образа
в трудах П.А. Флоренского
322

В.Т. Захарова
Аксиологические основы семьи в религиозно-философской
мысли и публицистике русской эмиграции
330

К.М. Мацан
Апологетика в эстетических работах В.Н. Ильина
335

Раздел четвертый

Культурный кризис современности

Ю.В. Пуцаев
Достоевсковедение как эзопов аргумент в политико-идеологической борьбе:
самообман Карякина (историко-полемические заметки)
347

Ф.И. Гиренок
От русской Икарии к русскому космизму
361

А.В. Марков
Карты Таро и Элиот в «Путешествии» Александра Миронова
369

Т.Э. Грибакина
Консервативные образы будущего в российском кинематографе
376

С.В. Зеленин
Герои и антигерои в русской литературе
383

Н.С. Ищенко
Иеротопия Донбасса в поэме Елены Заславской «Новороссия
гроз. Новороссия грёз» (2020)
464

И.Н. Тяпин
Возрождение этико-эстетических традиций Русской идеи в парадигме
антропосоциоконсерватизма
471

А.М. Вафин
Прочитать Глеба Павловского. Идеология «Слабых»
480

Ю.М. Поляков
Слово и цифра
484

Воспоминание

С нами – на все времена

Н.Н. Ростова
Истина человека – в размыкании себя. Памяти С.С. Хоружего
503

В.Г. Кириленко
Наследие С.С. Хоружего в современной философии и синергийный
дискурс самости
507

Иеротопия Донбасса в поэме Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грёз» (2020)

Человек существует в культуре, формируя сакральные пространства на основе культурной памяти и экзистенциального опыта. В военное время человек оказывается в ситуации предельного выбора, когда его личный опыт актуализирует культурную память народа и земли, сохраненную в виде архаичных культурных архетипов. Одним из древнейших архетипов русской культурной памяти является образ России как святого царства, пространства реализации христианской святости, которая проявляется в подвиге самопожертвования, формирующем иеротопию территории. В современном Донбассе в период войны с Украиной, идущей с 2014 года, ситуация предельного выбора приводит к воссозданию хранящегося в культурной памяти образа святого царства. Литература Донбасса получила мощный жизненный импульс, прикоснувшись к этим первичным структурам человекотворческой реальности в их действенности. Одно из бесспорных имен этой новой литературы – Елена Заславская, создающая в поэме «Новороссия гроз. Новороссия грёз» (2020) иеротопию современного русского Донбасса.

Иеротопия изучает сакральные пространства культуры. Термин «иеротопия» был предложен А.М. Лидовым в 2001 году для обозначения специфического вида человеческого творчества по созданию сакральных пространств [5, с. 10]. Иеротопия в своем развитии синтезирует достижения антропологии, культурологии, искусствоведения, филологии и других наук. Основатель иеротопии А.М. Лидов считает, что иеротопическая деятельность укоренена в природе человека как духовного существа. В восточном христианстве посредством создания сакральных пространств человек стихийно или планомерно формирует среду своего общения с Богом [5, с. 12]. А.М. Лидов показывает, что «иеротопию невозможно свести только к миру художественных образов, как и к совокупности материальных предметов, организующих сакральную среду, или к описанию ритуалов и социальных механизмов, их определяющих» [5, с. 12]. Сакральное пространство формируется как синтез искусств и опыт проживания экзистенциально насыщенной ситуации. Такие условия сложились в современном Донбассе, где с 2014 года идет война, связывающая повседневную жизнь человека с сакральным планом бытия.

Война – это время обращения к глубинным пластам культурной памяти. Структуры коллективной психологии, латентно хранящиеся во времени рутины, разворачиваются в период предельного выбора, когда каждый человек и социум в целом должны ответить на вопрос о смысле существования и борьбы за свою идентичность. Война в Донбассе поставила эти вопросы не только перед теми, кто находится в окопах на передовой, но и перед всеми людьми Русского мира. Живущие в Донбассе люди мирных профессий тоже оказались в ситуации экзистенциального выбора, когда каждый должен своей решимостью и

Ищенко Нина Сергеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры музыкального искусства эстрады Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского. E-mail: niofterna@gmail.com

своим действием утверждать собственное бытие и его сакральные основания, актуализируя смыслы русской культуры, сохраненные в культурной памяти.

Память культуры Ю.М. Лотман определяет как культурное пространство, в рамках которого могут существовать и актуализироваться смысловые формы [6, с. 200]. Культурная память панхронна, поскольку включает в себя все тексты данной культуры. Культурная память сохраняет прошедшее как пребывающее. В культурной памяти находятся и элементы культурного пространства, и механизмы их актуализации [6, с. 201]. Одним из древнейших элементов русской культурной памяти является образ России как сакрального пространства. В этом образе интегрированы архетип святого царства, восходящий к индоевропейскому периоду, и христианское представление о святости.

Образ святого царства связывает разные сферы социокультурного пространства, обеспечивает его единство и задает способы воспроизведения культурных механизмов. В этом образе сохраняются в символической форме представления о сущности человека, его месте в обществе, о связи общества с природой и областью сакрального.

Образ святого царства, его происхождение и роль в индоевропейской культуре рассматривает В.Н. Топоров. Религиовед реконструирует индоевропейскую мифологическую основу понятия святости через семантический ряд, связанный с ростом и увеличением. Исследователь показывает, что слова «святой», «святость» входят в то же семантическое пространство, что и слова «плодородный», «изобильный», «богатый», «счастье», «благо», «цветение», «сильный», «молодой», «увеличиваться в размере», «расти», «расцветать», «светиться». Принципиальным для всего круга значений является момент возрастания, роста, увеличения в размере. Понятие святости в языческую эпоху реализовано в образах изобилия, увеличения жизненной силы в животном и растительном мире, куда включен и человек как микрокосм [9, с. 443].

Архаичное представление о святости конкретизируется в образе святой земли, которая населена святым народом, ведущим святую жизнь. Святая жизнь в эту эпоху понимается как благо, богатство, процветание, соединенные с силой, знанием и мудростью, которые можно найти в святых местах, на святой земле. Для мифологического восприятия мира характерно представление о том, что святое отмечено особой гармонией, красотой, соразмерностью. Святой сад и святая река, святая земля и святое растение равно отмечены выдающейся, необычной природной красотой. Так же и святой человек воспринимается как часть природного мира. Святость человека в индоевропейской культуре заключается в его красоте и гармоничности, а также в проживании на святой земле в состоянии вечной молодости, силы, изобилия [9, с. 453 и сл.].

Таким образом, в языческую эпоху святость какой-то земли понимается материально и не связывается еще ни с каким особым типом духовности. Формирование русского типа святости, который включает отмеченность человека или явления не только природной, но и духовной гармонией, происходит уже в рамках христианской культуры, когда слово «святой» и его производные обретают новую сферу применения, но в то же время сохраняют свой исходный семантический принцип [9, с. 436].

В христианскую эпоху Руси образ святого царства был переосмыслен как архетип странствующего Царства [1]. Впервые Россия осознает себя как последнее православное царство на земле после падения Константинополя в 1453 году [10, с. 213]. В 1523–1524 годах в письме старца Филофея впервые излагается концепция третьего Рима, которая имеет ярко выраженный эсхатологический смысл: «яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти» [8, с. 237–246]. Рим должен существовать во время конца света, поскольку в Апокалипсисе упоминается римский царь Михаил, который будет сражаться с Антихристом. Два Рима – Рим и Константинополь – уже пали, а это значит, что должен появиться третий Рим. Падение Константинополя, наследника Рима, буквально вынудило

Русь взять на себя эту роль, которая поначалу не была целью московской политики и не являлась ядром русского политического самосознания [7].

В образе последнего православного царства актуализировался русский культурный архетип святого царства, которое является реализацией правды на земле и объединяет в себе полноту бытия, связь со сферой сакрального, гармоничную иерархию социального устройства. В то же время христианское влияние добавило в этот образ представление о том, что такое царство может быть только одно во всем мире, его существование связано с центральным событием всей мировой истории – Воплощением Христа и началом христианизации человечества, которое ведет к обновлению мира в конце времен. В рамках византийских представлений, унаследованных Русью, православное царство может быть только одно, и в истории это именно то царство, в котором родился Христос, сделав его навсегда центром истории. Реальность Воплощения в истории человечества требует существования истинного православного царства, и после древней Ромейской империи таким царством становится Россия.

В эпоху Московской Руси святое царство индивидуализируется как третий Рим, последнее православное царство, в петербургский период русской истории – как Российская империя.

Во времена СССР русский культурный архетип святого царства вынужден был конкурировать с влиянием идей гностического типа, которые повлияли на формирование теории социализма в Европе. СССР осмыслялся как первое в истории социалистическое государство, и роль русской культуры в нем была вспомогательной. Русский язык и культура были необходимы только для реализации социалистических идеалов, но не имели ценности сами по себе.

В настоящее время русский культурный архетип святого царства реализуется как Русский мир. В этой концепции соединяются универсализм и конкретно русская специфика, и Россия выступает как страна, сохраняющая христианские ценности, но осуществляемые в рамках конкретно-исторической русской культуры.

Таким образом, современная Россия воспринимается как пространство, в котором сакральные христианские ценности в принципе могут быть реализованы. Однако империя – не единственная и не самая главная христианская ценность. Одной из наивысших ценностей в христианской культуре является жертвенность – способность человека повторить путь Христа, пойти за Ним вслед, отдав свою жизнь за других. Места, где совершается христианский подвиг жертвенности, сакрализуют пространство, создают выделенные топоры реализации христианской святости.

Образ святого царства актуализируется в культурной памяти народа Донбасса в период войны с Украиной, идущей с 2014 года. Иеротопия Донбасса создается в пространстве христианской святости как взаимосвязанные места жертвенного подвига. Создание иеротопии Донбасса в поэтической форме осуществляется в поэме «Новороссия гроз. Новороссия грёз» (2020) донбасской поэтессы Елены Заславской.

Елена Заславская (1977 г.р.) – поэт, писатель, журналист. Родилась в Лисичанске (современная Украина), много лет живет и работает в Луганске. После начала войны 2014 года сделала выбор в пользу республик, занимается литературной, преподавательской, общественной деятельностью в ЛНР. Елена Заславская является редактором сайта луганской культуры «Одуванчик», автором семи поэтических сборников, участником многочисленных донбасских и российских поэтических антологий. Также Елена работает как автор стихов и прозы для детей, пять ее книг вышли в российских детских издательствах. Состоит в Союзе писателей Луганской Народной Республики, работает редактором газеты «Камертон» Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского [2].

Тема войны в Донбассе остается в центре внимания поэта. Этой теме посвящены книги, опубликованные после 2014 года: «Год войны» (2015), «Бумажный самолет» (2018), «Донбасский имажинэр» (2020). Наиболее полно эта тема раскрыта в новой поэме Елены «Новороссия гроз. Новороссия грёз» (2020), созданной на протяжении военных лет начиная с 2014 года. В поэме показаны воюющие республики, Украина, Европа, настроения революционеров Майдана и ополченцев Новороссии. Поэма связывает настоящее и прошлое Украины и России, повседневный и сакральный планы бытия и формирует иеротопию Донбасса как пространство реализации жертвенного подвига.

Новороссия – исторически сложившееся название южно-русских территорий, значительная часть которых находится сейчас в границах Украины. Новороссия включает Северное Причерноморье, Донбасс, Крым, Кубань, область войска Донского. В 2014 году, когда начались этнические чистки на Украине, Новороссия стала территорией сопротивления. Крым был присоединен к России в марте 2014 года, Северное Причерноморье осталось в составе Украины, а Донбасс начал войну за независимость от Украины. В первый год войны, описанный в поэме, Новороссия стала символом русского сопротивления. В последующие годы важнейшим в символическом плане регионом Новороссии стал Донбасс.

Тема родного Донбасса занимает центральное место в поэме, что подчеркивается семантически сильной позицией текста – одним из эпиграфов. На самой первой странице поэмы читатель видит слова: «Да, у нас строго придерживаются заповеди: “Будь верен духу любви к родине”. Кобо Абэ “Женщина в песках”». Иеротопия Донбасса формируется в образах Луганска и донбасских городов. Рассмотрим их подробнее.

К образу Луганска Елена Заславская обращалась в своем творчестве неоднократно. Луганск является узнаваемым местом действия как довоенных стихов, так и произведений военного времени. Так, в поэме “Немо” (2019) центральное место занимает хронотоп города Луганска военного времени, 2014 года. Луганск – город в степи, однако в поэме он показан как город на дне моря, город, который накрыло волной войны. Архаическая семантика воды и морской стихии как перехода между мирами позволяет поэту интегрировать в хронотопе затонувшего Луганска разные смыслы русской культуры, включая тему смерти, памяти, любви и поэзии [4, с. 34].

В новой поэме образ Луганска обогащается новыми смыслами. Теперь это Святоград – место действия и сакральный центр поэмы. Центральное значение этого образа зафиксировано в первом эпиграфе к поэме:

«13 июня 1905 года явилась Царица Небесная старцу Филиппу и сказала: “...И день сей явления моего граду Луганскому помни, и учи всех чтить его, о граде же сем скажу, что к концу мира наречется он – Святоград Луганский. И многие люди будут съезжаться сюда в преддверии этих грозных дней, сами не зная зачем”.

Житие старца-диакона Филиппа Луганского» [3, с. 4]. Как разворачивается судьба Святограда Луганского в грозные дни 2014 года, показано в поэме.

В произведении дается еще один вариант сакральной трактовки событий: «Как-то в газетах писали укрупы, что город наш подобно Содому с Гоморрой должен ответить за грехи его обитателей. Роль Бога они отводили украинской армии...» [3, с. 9]. Так, для одних героев поэмы Луганск – Святоград, потому что его жители жертвуют своей жизнью за родину, а для других Луганск – грешный город, который должен быть стерт с лица земли, потому что не хочет существовать в культурном пространстве постмайданной Украины. Две версии происходящего формируют смысловое пространство поэмы.

Для жителей Донбасса и луганчан Луганск с первых же строк поэмы – «край света, край мира, фронт, где дышит война» [3, с. 7]. В то же время в Луганске находится дом героини, сохранивший довоенный уют: «Взвалить бы его на спину и унести, как уносит улит-

ка, со всеми пожитками, со старыми фотографиями и открытками, с детскими локонами и дипломами, книгами, письмами, записками, со всеми важными датами, впечатанными в альбомы, с родительскими портретами, дедушкиными наградами, с рисунками самыми первыми, сохранёнными мамой, с его очагом и памятью, – всем тем, что зовём мы домом, всем тем, что навсегда остается с нами...» [3, с. 9].

Довоенный Луганск задает ориентиры, позволяя героине выстоять и выжить во время войны, в период масштабной трансформации и экзистенциального выбора: «И вдруг я понимаю, что привыкла к безжалостному лику войны, внушающему липкий страх и животный ужас. О, как я раньше боялась, но что-то, видно, внутри сломалось... Я мыслям своим улыбнулась. Я больше не буду пушечным мясом, а буду ядром, снарядом, маленьким жгучим адом, ответкой! Меня заждались, поди уж» [3, с. 14].

Решение защищать родной город и свою землю соединяет героиню с другими русскими людьми, вводит ее в пространство памяти, сохраняющей погибших и живых:

«Однажды ты встанешь на тропу войны, а она оказывается широченным проспектом! Братья и сёстры, дочери и сыны летят на скорости прямо в бессмертие. Жалят осколки, бьют по глазам, липнут бессмертники прямо к берцам, и не выдерживают тормоза. Главное, выдержало бы сердце» [3, с. 14]. Так земля Донбасса, Новороссия гроз становится пространством реализации жертвенного подвига, местом оживания исторической памяти и формирования христианской иеротопии на западном рубеже Русского мира.

В иеротопию Донбасса включены и другие донбасские топосы, охваченные сакральным пространством войны: «Мирной жизни не существует. Это иллюзия и обман. Кони АТОкалипсиса вытоптали Новосветловку, вытоптали Горловку, вытоптали Сутоган. Пронесли по Донбассу, без жалости, оставляя кровавый след» [3, с. 12].

Городки Донбасса конкретизируются в человеческих судьбах, в реакции людей, там проживающих, на идущую войну, воспринимаемую ими как вызов, требующий ответа в христианском пространстве самопожертвования. Таким образом автор выстраивает все образы донбасской земли: деревню, пострадавшую от артобстрела, разрушенный завод, затопленную шахту.

«Хаты, побитые градами. Хаты, побитые гадами. Помню, дом с перекошенным ртом дверного проёма застыл в вопле немом после арналёта. Бабулька собирает пожитки: “Жили мы, жили, да ничего не нажили. Только привычку к простору, чтобы выйти в поле и сколько хватает взора – степь: ковыли да маки, и сокол летает, как ангел”» [3, с. 23].

Аналогично строится образ завода в одном из городов Донбасса – локализация места действия дается вместе с комментарием пережившего событие человека: «На заводе прокатных валков – Сталинград. Три дня подряд горел цех разливки стали, когда его обстреляли. “Была бы станина, – мечтает начальник цеха. И руки его от работы черны и огромны. – Станки отстроим. Отремонтировали же домну!”» [3, с. 24].

Одна из многочисленных шахт Донбасса, пострадавших во время войны, также показана в двух аспектах: как символ войны и разрухи, но одновременно как воплощение веры и надежды людей, для которых подвиг самопожертвования стал принципом существования: «Ствол шахты “Знамя коммунизма” затоплен. Грунтовые воды. Старейшая шахта 4-бис. И люди сидят без работы. “Разве это жизнь? Доедаем свои гробовые. Горе мне, горе, – вздыхает бабуля, – а впрочем, и это неплохо. Ещё немного, и придут гуманитарные конвои, весна, а там, глядишь, и Победа”» [3, с. 24].

Такое двуплановое построение образа позволяет поэту показать читателю весь Донбасс как землю Святограда, которая оживает и освящается страданием людей, ее любящих, оставшихся на родине, защищающих ее и надеющихся на победу наперекор всему. Именно незаметный подвиг людей, их любовь к родной земле, стремление работать для ее восстановления, способность пожертвовать за нее жизнью вводят донбасскую гео-

графию в сакральное пространство. Без этого видения, которое дается сопереживанием, территория Донбасса предстает десакрализованной землей ада.

Такая десакрализованная география показана в монологе украинского добровольца:

«Я отправился на восток. В регион тринадцать. В город, в котором детство мое живёт, в город, в котором мой младший брат остался. Я вырос в сердце Донбасса, среди шпаны и урок. В городе Перевальске, или в городе Парижской коммуны, как раньше он назывался» [3, с. 73].

«О, эти маленькие донбасские города! Как говорят креативные блогеры, депрессивные. Каждый такой, будто чёрная дыра... достал сиги, затянулся, вспоминая пацанов из своего двора. Тоха сторчался, Вовчик спился, Серёгу подрезали в тюрьме... И как эпитафия на пачке надпись “мучительная смерть”» [3, с. 74].

Неспособность противостоять смерти, распаду и аномии, которые герой видит вокруг себя в довоенных депрессивных городах Донбасса, вызвана недостатком душевной силы, веры и любви к людям. Такое мировидение приводит к тому, что человек не может участвовать в преображении мира и нацелен на разрушение, а не на созидание. Сначала он идет на Майдан, чтобы разрушить то, что в его представлении мешает создать новую Украину, потом идет на войну, чтобы стереть с карты Донбасс, который не вписывается в новые реалии. Неспособность увидеть за событиями людей, почувствовать их живые души на разрушенной и бедной земле приводит к тому, что украинский военный не видит сакрального плана событий: «И все-таки мне невдомёк, на хрена вы воюете тут? На хрена умираете тут? На хрена вы схватились за земли эти корнями и жизнями, которые никуда не ведут?» [3, с. 75].

Противостояние двух взглядов на историю, двух способов создания иеротопии проводится в поэме до самого финала:

«Последний часовой стоит на страже родного града. И над ним проносится чёрная конница – чёртовы дети ада! Он падает замертво, успев понять, что позади пустота – Фата Моргана – нет ни Святограда, ни Новороссии, а только дикое голое поле истории. И поле возделывает простой ополченец, вернувшись с войны. И восходит солнце, дети собираются в школу, липы благоухают, и мне сдаётся: любовь не сдаётся и не умирает! Ведь так, пацаны?!» [3, с. 82].

Итак, в образе Луганска и городов Донбасса в поэме выражены две версии истории – сакральная и десакрализованная. В первой из них Луганск – это Святоград, попавший в сакральное христианское пространство благодаря самопожертвованию своих жителей. Во второй, десакрализованной версии, которую высказывает украинский доброволец, Луганск и Донбасс – безжизненная территория, лишённая смысла, дикое поле истории, на котором ничего нет. Однако это поле засевают люди, превращают его в возделанную землю, создавая смысл своими действиями, чувствами, любовью.

Таким образом, иеротопия современного Донбасса формируется как сакральное пространство Святограда, место осуществления христианского подвига самопожертвования. Образ Луганска-Святограда синтезирует архаическую составляющую культурной памяти, существующую в виде образа святого царства, а также христианское понятие святости, включающее реализацию христианской жертвенности здесь и сейчас, в Донбассе 2014 года, ради защиты русской земли.

В поэме Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грёз» (2020) формируется иеротопия Донбасса – порубежья русского мира, в котором интегрированы темы памяти, защиты Родины, христианского самопожертвования ради других. Война Донбасса с Украиной в 2014 году показана в ее символическом значении, а художественные образы городов Донбасса в поэме позволяют сохранить военные события в культурной памяти русского народа.

Литература

1. *Василенко И.А.* Архетипические основы русской культуры и современная имиджевая политика России [Электронный ресурс] // Перспективы: сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. 2015. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/arkhetipicheskiye_osnovy_russkoj_kultury_i_sovremennaja_imidzhevaja_politika_rossii_2015-06-30.htm
2. *Заславская Е.А.* Биография [Электронный ресурс] / Елена Заславская // Поэзия. Проза. Дневник. Режим доступа: <http://zaslavskaja.com/biografiya>
3. *Заславская Е.А.* Новороссия гроз. Новороссия грёз / под ред. Н.С. Ищенко. Луганск: Блиц-информ, 2020. 88 с.
4. *Ищенко Н.С.* Хронотоп затонувшего города Луганска в поэме Елены Заславской "Немо" // Культурный ландшафт регионов. 2020. Т. 2. № 5. С. 33–45.
5. *Лидов А.М.* Иеротопия: Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М.: Индрик, 2006. 764 с.
6. *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении / Ю.М. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. С. 200–202.
7. *Мейендорф И.* Существовал ли когда-либо «третий Рим»? // Рим. Константинополь. Москва. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. С. 183–207.
8. *Синицына Н.В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.
9. *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1: Первый век христианства на Руси. М.: Гнозис; Школа «Языки русской культуры», 1995. 875 с.
10. *Успенский Б.А.* Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) (в соавт. с В.М. Живовым) / Б.А. Успенский // Избранные труды. Т. I: Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 205–337.

Аннотация. Статья посвящена анализу создания иеротопии современного воюющего Донбасса в поэме Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грёз» (2020). В статье показано, как в условиях военного времени в ситуации предельного экзистенциального выбора актуализируются архетипы культурной памяти. Одним из древнейших архетипов русской культуры является образ России как сакрального пространства, в котором синтезируется архаичный образ святого царства и христианские представления о святости как о жертвенном подвиге. Рассмотрены механизмы создания в поэме образа Луганска-Святограда, включенного в сакральное христианское пространство благодаря самопожертвованию его жителей в ходе войны с Украиной, идущей с 2014 года.

Ключевые слова: иеротопия, сакральное пространство, культурный архетип, святое царство, Елена Заславская, русская поэзия, Донбасс, война.

Nina S. Ishchenko, PhD in Philosophy; Assistant Professor, Variety Musical Art Department, Musical Art Faculty, Matusovsky Lugansk State Academy of Culture and Arts. E-mail: niofterna@gmail.com

Donbass Hierotopy in Elena Zaslavskaja's Poem "Novorossia of Thunderstorms. Novorossia of Dreams" (2020)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the creation of the hierotopy of modern warring Donbass in the poem by Elena Zaslavskaja "Novorossia of Thunderstorms. Novorossia of Dreams" (2020). The article shows how the archetypes of cultural memory are actualized under the wartime circumstances and in the situation of extreme existential choice. One of the most ancient cultural archetypes of Russian culture is the image of Russia as a sacred space, which synthesizes the archaic image of the holy kingdom and Christian ideas of holiness as the feat of self-sacrifice. The author analyzes the mechanisms of creation in the poem of the image of Lugansk-Svyatograd included in the sacred Christian space due to the self-sacrifice of its inhabitants during the war with the Ukraine since 2014.

Keywords: Hierotopy, Sacred Space, Cultural Archetype, Holy Kingdom, Elena Zaslavskaja, Russian Poetry, Donbass, War.